

Александр Щёголев

Кто звал меня?

*Часть сборника
Сеть (сборник)*

Александр Щёголев

Кто звал меня?

«Щеголев Александр Геннадьевич»

1991

Щёголев А. Г.

Кто звал меня? / А. Г. Щёголев — «Щеголев Александр Геннадьевич», 1991

Политико-инфернальный детектив, смесь классического хоррора и фэнтези. Неизвестная, альтернативная Москва. Мертвец, бывший когда-то высокопоставленным пропойцей, встает из земли возле Кремлевской стены, берет в Историческом музее меч и расследует собственное убийство, оставляя за собой груды трупов...

© Щёголев А. Г., 1991

© Щеголев Александр
Геннадьевич, 1991

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Щёголев

Кто звал меня?

(сон разума)

* * *

Тяжело. Словно камнем стянута грудь, словно гранитным одеялом укрыты ноги. Не вздохнуть. Наверное, я все еще пьян. Но кто разбудил меня, кто осмелился? Темнота, и ничего кроме. Ночь? Встану – раздавлю контру. Кто дышал мне в лицо, кто кричал мне в ухо? В рудниках стною. Камень проклятый – не дает шевельнуться! Я пьян, конечно. Эй, холуи, вы где, забыли про хозяина? Сюда. Освободите грудь. Надо встать. Все, не могу больше, сейчас я вас, сейчас...

Встаю.

Тяжело, тяжело, тяжело – грудь содрогается от нечеловеческой муки.

Встаю.

Будто взрыв, и душный мрак раздвигается. Нет, это не камень, не гранит, это – земля, глина, песок. Грязь. Луна и ветер, болтающиеся фонари и ночная прохлада. Хорошо... Где я? Красная кирпичная стена – громоздится рядом, бесконечной полосой уходит вперед и назад, упирается в небо гигантскими зубцами. Башни, пылающие в свете прожекторов, одна впереди, другая сзади – Боровицкая и Водовзводная. Пятилучевые свастики цвета артериальной крови – на шпильях.

Все ясно, местность опознана. Вокруг деревья, газоны, ухоженные дорожки, ровные ряды мемориальных плит на могилах народных героев среднего звена. Аллея Славы. Аршинах в шестидесяти должен быть мостик через ров и Боровицкие ворота – вовнутрь. Мир поделен красным кирпичом надвое: здесь, снаружи, просто город. По ту сторону кремлевской стены – Мать Земель Русских, надежно укрывшаяся на 25 десятинах древнерусской крепости. Здесь рабы, там хозяева. Ближайших холуев вождя закапывают также возле этой стены, но в другом месте, чтобы долетали плевки с Мавзолея...

По набережной шуршит шинами одинокий автомобиль – далеко, за деревьями его не видно. Приближается. Надеюсь, не мясовоз. А то притормозит, и доказывая потом вежливому офицеру, что ты давно не раб, что ты как раз и есть хозяин...

Разворачиваюсь.

Под ногами обнаруживается яма – нелепая, бесформенная, страшная. Газон будто наизнанку вывернут. На дне смутно темнеют останки длинного ящика, в отвалах мокрой почвы валяются ошметки гнилых досок, мемориальная плита отброшена на пару саженей вбок. Вот это да! Что за мерзавцы осквернили могилу? Где патруль? Расстрелять... Мрамор расколот, на одной из частей призрачно блестит золотой профиль – мой. Знакомая картинка. Работы самого Хорька, главного художника державы. Сляпал за три минуты, забредя однажды ко мне в кабинет. А рядом... Моя же собственная книга! Испачканная, потрепанная, жалкая – последнее переиздание...

Я пьян, да? Белая горячка?

Кошмар стремительно разрастается. Наконец-то догадываюсь осмотреть себя, ощупать себя, прислушаться к себе, и вдруг вижу, вдруг чувствую...

Шок, провал в памяти.

Оказывается, я уже стою перед дверью своей квартиры, причем совершенно не помню, как добрался. Хорошо иметь в ногах специальное устройство, назубок знающее дорогу домой.

Тебе плохо, ты пьян, старого шофера забрали, нового еще не дали, голова полностью выключена, холуй-очкарик, с которым ты еще в школе учился, добросовестно пишет за тебя передовицу в одну из центральных газет и помочь ничем не может, но ты как настоящий мужчина возвращаешься сам, либо пешком, либо при помощи патруля, колотишь в дверь ногой, и тебя подхватывает верная, ко всему привыкшая жена. Хорошо быть настоящим мужчиной. Впрочем, дом практически рядом с аллеей Славы – до Боровицкой башни дойти, сразу на Манежную и до перекрестка. Номер три. Престижный дом, правительственный, даже название в народе имеет – «Угловой». Здесь все свои проживают, никаких вам рабов. Через ночь мясовоз к парадному входу подъезжает, чистит квартиры от замаскировавшихся и примкнувших, чтобы оставшимся спокойнее дышалось... Нет, все равно не помню, как дошел. Крутится в памяти лишь забавное кино, будто бы я плечом проламываю запертые двери подъезда – легко, играючи, оба ряда, – будто бы нокаутирую вскочившего с топчана швейцара, вызываю лифт...

Стучу ногой. Жена, принимай хозяина! Бегом!

Ногой? Кость, одетая в гнилой ботинок. Вместо брюк – дырявая полуистлевшая тряпка, сквозь которую также видны кости, бедренные, надколенники, берцовые, какие там еще... Что со мной?

Неожиданно в голове восстанавливается нелепая картинка, та самая, явившаяся причиной шока. Подношу к лицу руки и снова вижу – как и там, на набережной, – заплесневевшие фаланги пальцев, без кожи, без мяса, голые, тонкие, отвратительные.

Кто я?

На стук не отвечают. Иступленно колочу, ногой и рукой одновременно. Дерево тяжело стонет, готовясь покорно разлететься на куски. Нет, крушить не стоит – свое ведь, не чужое. Дергаю за ручку – обламывается. Ага, услышала, забегала, дурочка моя дрессированная! Поправляю пиджак, вернее то, что было когда-то пиджаком, стряхиваю с лохмотьев землю, жду.

Открывает незнакомый мужчина. В халате. Решительно стискивает пальцами пистолет. Глядит на меня и тут же роняет челюсть, резко начинает трястись. Пятится, пятится. Будь все это не в бреду, я бы точно испугался – черного ствола, наставленного мне в грудь... Здравствуй, геноссе, – пытаюсь остаться вежливым, но только бестолково клацаю зубами.

И вдруг получается вой – гулкий, протяжный. Гость уже не пятится, потому что утыкается спиной в вешалку, точно в висящую там шинель. С крючка падает фуражка. Очевидно, военная форма – его. Нашивки незнакомы. В каком же ты звании, доблестный боец Новой Гвардии? И почему ты в халате, камрад? И где моя жена? Где она, сука подзаборная, в какую щель уползла?

Переступаю порог. Привычно сворачиваю в коридор, оттолкнув этого жеребца, и вперед, мимо кабинета, мимо какой-то старухи, жмушейся у комнаты домработницы – к спальне, к нашей спальне. Стоп. Оглядываюсь. Старуха громко шепчет: «Нет, нет, не может быть!», а жеребец молчит, контра, язык проглотил со страху, смотрит на меня, забыв про пистолет.

Вхожу. Постельное белье в призрачном свете торшера кажется багровым. Ага, ты все-таки здесь, пышечка! На своем рабочем месте, правильно. В ночной рубашке. Я тебе такую не покупал, интересная у тебя рубашечка. Что же ты мужа не встречаешь? Может, из-за чужих подштанников, валяющихся на ковре? Так ведь прибрать могла бы, не позориться. Или из кровати лень вылезать? Нет, вовсе не лень – вон как взвилась, выше метнувшейся по стенам тени, вон как запорхала, разметала по спальне волосы...

И прическа у нее другая. И похудела вроде бы, и с лицом что-то странное. Вообще, вся такая посвежевшая, помолодевшая – просто убить хочется.

Убить...

Надо же, как ее обновили, всего за один вечер! Эх, боец-жеребец, что мне теперь с вами обоими делать?.. Шагаю к ней. Визжит. Хочу поймать ее, жену свою бесстыжую. Но в комнате

вдруг становится нестерпимо громко, что-то бьет меня в спину, что-то мелкое и подлое. Лопается стекло в старинном буфете – прямо напротив. И сразу тихо.

Он в меня выстрелил, подкравшись сзади, твой офицер без подштанников! Как же так, он – в меня... Оборачиваюсь, понимая, что это все. Сейчас упаду. Сейчас проснусь, заору, переполненный благородным страхом. Безликий пес из obsługi волеет в меня глоток целительного пойла, а потом дотащит мое капризное тело до сортира, и мне будет хорошо, хорошо... Нет. Стою, не падаю. Не просыпаюсь. Пистолет в руке гостя оглушительно вздрагивает, второй раз ударив меня – в грудь – и тогда я поднимаю с пола осколок стекла.

Моей костяной ладони совсем не больно, когда я втыкаю прозрачное треугольное лезвие в трепещущее горло. Белые полосы на халате стремительно исчезают – сверху вниз.

– Витя, Витя! – заходится криком жена.

Мое имя не Витя, – говорю ей, – уже забыла, как мужа своего зовут? Но вместо фразы вновь получается вой, всего лишь бессильный вой... Я хватаю, наконец, ее за плечо, подтягиваю к себе – рвется прочь! Месит воздух свободной рукой, сдирая с меня ветхую ткань, обнажая мои грязно-серые ребра, и я с наслаждением бью ее по лицу.

Дрянь.

Она опрокидывается на спину и замолкает. Опять становится тихо. Впрочем, теперь слышно, как стонет в коридоре старуха:

– Господи, за что? Зачем он явился, Господи, всю жизнь мне сломал, пьяница, недоделок чертов, даже подохнуть нормально не мог – зачем, зачем? Я же похоронила его, похоронила, Господи...

О ком она? Уставилась мутным взглядом в раскрытую дверь, не решаясь войти. Кто такая? Не имеет значения. Друг семьи мирно прилег на пол, это главное. Друг семьи пытается ползти куда-то, растопырив волосатые ноги, выгибаясь и натужно хрюкая. Он уже помогился под себя, он явно собирается выпустить из кишечника все лишнее. Пакостное существо. Выскочившая наружу мощна мелко дергается – это, это главное... Жена поднимается, шепча: «Витя, Витя, Витя...» – совсем сдурела, бесстыжая. Забыла, из какого дерьма тебя вытащили? Сжав костяшки пальцев, делаю шаг – к ней.

Она...

Ее нет в супружеской спальне.

Чтобы разбить своим телом окно, нужна секунда. Чтобы долететь до асфальта – эн секунд. Седьмой этаж, эн плюс один, и ее больше нет, твари неблагодарной. Сама решила, сама нашла выход из положения. Старуха хрипит где-то сзади:

– Ты же дочь убил! Дочь, наша дочь! Господи, за что?

Старуха уже здесь, ползет к окну, однако выглянуть не успевает, падает возле подоконника, хватая ртом воздух. Какая дочь? – кричу я. Бред, просто бред! Моей дочери и трех лет не исполнилось, – кричу я им всем, – моя дочь должна быть в детской, если только ваши выстрелы ее не разбудили... Мир наполнен воем. Низким, утробным – заткнуть уши, разбить головой стены.

И вдруг получается осмысленный звук. Рожденный в груди, звук сотрясает позвоночник, рвется вверх, клокочет, толкается, – распирает вставшие на пути челюсти, – наконец-то складываясь во фразу:

– *Кто звал меня?*

Освободился!

Кто звал меня? Ответа нет, и я выхожу в коридор, переступив через того, который под ногами. Из детской выглядывает заспанный всклокоченный пацан, обнаруживает меня, оторопело говорит:

– Ой, чего это? – и сразу прячется.

Голос его неожиданно остр – пронзает, словно копье. Я вздрагиваю, но движения не прекращаю. Останавливаюсь возле вешалки, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Череп и кости, жуть. Кто я, Господи? Зачем, за что... Смотрю и смотрю, не могу отвести взгляд. Как я смотрю, если вместо глаз у меня дырки? Как я слышу, как думаю?..

Мальчишка снова высовывается, бесстрашно вопит, срываясь:

– Папа! Тут чего-то такое ходит! Бабушка-а!..

Кто звал меня, – мгновенно оборачиваюсь. Он шарахается – нет мне ответа...

Впрочем, не так уж я и страшен, особенно, если приодеть меня получше. Снимаю с крючка шикарную шинель и с удовольствием натягиваю поверх лохмотьев. Поднимаю упавшую фуражку. Кожаный обод надежно обнимает затылок. В зеркале – подтянутый офицер. А что, даже красив! Настоящий мужчина, рыцарь тьмы...

Белая горячка все не кончается.

– Мама, ты где! – несется из детской плач мальчика, терзая мою душу, ни на что не похожим гулом отдаваясь в голове, и я покидаю собственную квартиру, ставшую чужой всего за одну пьяную ночь...

Значит, ты считаешь, что я «недоделок чертов»? – вспоминается вдруг старуха. Это я-то недоделок? Я – высокопоставленный холуй государства, ведущий сотрудник министерства, где куется мнение народных масс, можно сказать – десница самого Бригадира Правды, как любовно именуют в народе моего хозяина. Выдвиженец, который еще будучи подростком участвовал в событиях Января 24-го, всем сердцем принял идеи Великой Русской Революции. Мало того – известнейший детский писатель, сочинивший бессмертную книгу «Повести Просто Так». Я – вполне молодой, полный сил мужчина... был...

Неужели? Был...

Да ну вас, это всего лишь сон! Вон, как вы разбегаетесь, едва я появляюсь из подъезда! Сон... Не ждали такого молодца? Думали, просто шпана в дом заглянула, думали, ребятишки погулять захотели, двери выломали, вахтера заставили в штаны наложить, и вы бы их лениво взяли за воротнички, запихали бы в фургон, повыбивав остатки зубов, и спасен был бы знаменитый дом... Только стрелять в меня бесполезно, дорогой товарищ, проверено уже! Тебя я догоню, обязательно, обязательно – и головой об стену, и еще раз, не жалея сил, чтобы осторожнее обращался с оружием, чтобы уважал старших по званию.

В руках – липкое месиво. Хрустит, сминается, брызжет темным соком...

Был патруль, нет патруля. Только упакованный в форму кровавый бифштекс остается на тротуаре. Струсили, орлы недоучившиеся, разлетелись. Автомобиль свой бросили, герои. Станный автомобиль – огромный, а сидит низко, и двигателем урчит почти неслышно. Вместительный, грозный. Отличная вещь, полезная государству, даже жаль, что это плод моего больного воображения. Красивая вещь. Я вообще люблю красивое, я истинный рыцарь. Лошадей обожаю, например. Впрочем, сейчас выбирать не приходится – залезаю в стальную кабину, предварительно обтерев шинелью костяшки пальцев. Как управлять этим чудищем? Ладно, руль есть, педали есть, разберемся.

Некоторое время разбираюсь. Еду.

Хорошо еду, не хуже других диковинных чудовищ, изредка попадающихся навстречу. Не хуже многочисленных странных автомобилей – маленьких, гладких, как в детских книгах рисуют. По Манежной вдоль сада, мимо Колымажной, мимо Константиновской, в сторону набережной. Вот и аллея Славы. Здесь, откуда начался мой бред, ходят люди в военной форме, топчут газоны, негромко переговариваются, бросают окурки. Очевидно, ищут негодяев, посмеявшихся выкопать из земли мои останки. У тротуара дремлют красивые автомобили, принадлежащие службе Спокойного Сна. Три буквы «С». На боку моего фургона также имеются эти волшебные буквы, бросающие в холодный пот любого нормального человека, и я проезжаю без задержек. Я – свой. Интересно, что обо мне говорили, прежде чем закопать?

Что писали в газетах? Наверное, много прекрасных, трогающих душу слов, если уж решили похоронить на аллее Славы. Мол, верой и правдой служил он Отечеству, безжалостен был к врагам свободной нации, остро заточенным пером пригвождал к бумаге моралистов и догматиков. Мол, целое поколение истинных евразийцев воспитал своими книгами, мол, неравнодушен был к лошадям и старинному оружию – гордость наша, герой среднего звена...

Что же вчера со мною случилось?

Выворачиваю на набережную. Слева – бесконечная зубчатая стена, символ порядка, справа – река, символ любви к родине.

Вчера? А может, не вчера? Сколько времени прошло – дней, лет? Покоиться на аллее Славы, держа грудью мраморную плиту, большая честь. Там хоронят только погибших на посту, только умерших не своей смертью.

Не своей смертью...

Что случилось? И почему, почему рядом с могилой валялась моя книга?.. Мчусь вперед, к площади. Мелькают башни. Ночной воздух толкается в глазницы, врывается через открытое боковое окно. Я не удержим. Когда же меня разбудят, когда освободят от вопросов?!

Впрочем, главную площадь страны также оставляю слева, решив не привлекать к себе внимания. Потому что пространство с той стороны Покровского собора пустынно, мертво, охраняемое прожекторами и бдительными взглядами часовых. Объезжаю по Хрустальному, торможу на Никольской улице. До Военного музея добираюсь пешком, вспугнув пару случайных ночных теней. Площадь открывается навстречу, теперь уже с противоположной стороны. Пустынна и мертва, дьявольски красива. Красно-белые башни стоят на страже спокойного сна счастливых евразийцев, прокалывая небо пятиконечными символами чистоты национального генофонда. Без двух час – показывают часы на Спасской.

Самое время для подвигов...

Кирпичная громада музея медленно закрывает освещенное прожекторами красное с белым. Привычный маршрут. По Военному проезду захожу зданию в тыл, оказываюсь перед дубовой дверью. Наконец-то... Но ведь Манеж в двух шагах. До моего дома – 200 саженей вдоль стены, от Троицких ворот направо, мимо Манежа, а там и родной перекресток. Почему я объехал Кремль почти по периметру, почему сразу не погнал автомобиль сюда? Очевидно, чтобы обмануть службу СС. Или чтобы взглянуть еще раз на аллею Славы... А может – боялся? Оттягивал этот момент, трус?

Именно здесь, в Военном музее, за дубовыми дверями, за толщей ржавого кирпича я и сплю сейчас, мечусь в белой горячке, тщетно пытаюсь проснуться. Именно здесь я напился вчера, отмечая со своим быдлом успешную сдачу очередной придворной речи нашего Бригадира Правды. Я пришел разбудить себя. Неужели боюсь?

Служебный вход, разумеется, заперт. Звонить, стучать? Зачем? Дерево взламывается легко и приятно, ломается с хрустом, бессильное сдержать мой кулак.

Я внутри.

Тусклый мрамор, тусклая лестница, тяжелый свет – до боли знакомая картина. Мы всегда приходили сюда через этот вход, потому что центральный – тот, что с площади, – крепко запечатан, открывается только перед особенными гостями. Верный Петро отключал сигнализацию и впускал нас, шумных, веселых, всесильных, верный Петро вел нас в подвалы, где никто не мог помешать нам чувствовать себя хозяевами. Мы – молодость страны, мы – невидимая власть. Только свои, только соратники, проверенные в каждодневных боях за святую Русь. И охранники, тащившие водку, и бабы, на ходу снимавшие чулки, – все свои. Никаких полукровок, кристально чистый генофонд, надежда возрождающейся нации. Кроме Петро, правда, но кто об этом знает? Кто знает, что дед у него был немец, а бабушка еврейка? Впрочем, не это страшно, ну жил бы он себе с волчьим паспортом в каком-либо из столичных спецкварталов, если бы те самые дед с бабкой не были к тому же представителями немецкого дворянства,

обнищавшими на русской земле. Наши с ним папы в одной гимназии обучались (до революции, естественно), а мы дружили с детства. И третий друг у нас был, Очкарик, тоже из семьи потомственных интеллигентов. Прямо как в романах, идиллия. Первого друга я администратором мертвого музея сделал, второго посадил редактором журнала – пользуйтесь моим всесилием, лижите мне пятки в приступах холуйской благодарности... А подвалы здесь шикарные, оборудованы не хуже кремлевских. В залы подняться давно уже не тянет. Раньше тянуло – просто побродить по этажам, на оружие посмотреть, на доспехи, на чучела, красотой законсервированной полюбоваться. Музеи ведь закрыты – с тех пор, как фракция генетиков сумела счистить с коммунистического трона масонскую накипь, освободить партию великого Ленина от убийц и лицемеров. Музеи закрыты, потому что Январская Революция продолжается, потому что живы еще интернациональные предрассудки, потому что любое, самое крохотное зернышко чужой культуры – враг свободной нации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.